

AlmaZa

**ЗАЧЁТНЫЙ
ПРОФЕССОР**

познавательный
роман

AlmaZa

**Зачётный профессор.
Познавательный роман**

«Издательские решения»

AlmaZa

Зачётный профессор. Познавательный роман / AlmaZa —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834950-8

Чем развлекаться богатеньким студентам, как не спорами на что-то важное?
Некоторые студенты так уверены в себе, что думают даже выиграть в
споре, где задействован их преподаватель. Даже если этот преподаватель —
женщина. Даже если это молодая женщина. И далеко не глупая.

ISBN 978-5-44-834950-8

© AlmaZa
© Издательские решения

Содержание

Урок первый: Встречают по одежке	6
Урок второй: Одна голова хорошо, а две ногам покоя не дают	10
Урок третий: В тихом омуте не вытащишь и рыбку из пруда	14
Урок четвертый: Скажи, кто твой друг – сам туда и попадешь	17
Урок пятый: Глаза боятся, а всё равно в лес смотрят	21
Урок шестой: Под лежачий камень готовь сани летом	26
Урок седьмой: Пока гром не грянет, гусь свинье не товарищ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Зачётный профессор Познавательный роман

AlmaZa

© AlmaZa, 2018

ISBN 978-5-4483-4950-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Урок первый: Встречают по одежке

Университетская аудитория оглашалась шумом голосов нескольких десятков студентов, частью знакомых между собой с вступительных экзаменов, частью начинающих знакомиться только сейчас, а частью пока не решающихся ни с кем заговорить. Таких было не слишком много, поскольку в большинстве своём молодежь склонна заводить побольше друзей и общаться, налаживая связи на случаи и без. Например, потом могло понадобиться взять у кого-то конспект, или уточнить расписание. Проще это сделать с однокурсником, чем через деканат.

– Да куда ж эта ручка подевалась? – сокрушалась девушка за первой партой, пока её соседка предлагала ей запасную.

– Кто знает, что завтра первым будет? – огласил зал бескомплексный парень с предпоследнего ряда. Ему ответили девчонки, сидевшие перед ним.

Дверь открылась и, поскольку звонка на пару ещё не было, никто не обращал внимания на входящих и выходящих. Но на этого вошедшего постепенно все рано или поздно взглянули. Нельзя было не покоситься на такого однокурсника, даже если бы он прошел мимо по улице, будучи ни чем не связанным с вами прохожим. А дело было всего лишь в том, что он являлся знаменитостью, человеком с экрана, который, несмотря на популярность и финансовую обеспеченность, твердо решил получить высшее образование и старался не просто добиться диплома, а приобрести знания, улаживая проблемы вечно занятого графика, недосыпов и других, карьерных дел, и всё-таки показываясь на лекциях, зачетах и экзаменах, хотя учеба чаще всего и проходила у него дистанционно. Аудитория ненадолго попритихла, как приливной волной окатившись шепотком, но потом вернулась к прежней жизни.

– Ах, вот она! – выцарапав из сумки свою ручку, наконец-то разогнулась студентка с первой парты, не видя, кто приземлился на стул через проход. Когда она подняла взгляд, то ручка невольно выпала из пальцев, стукнувшись о пол.

– Возьмите. – Поднял её известный артист, заставлявший замирать со сцены девичьи сердца, но и вблизи производящий не худшее впечатление, даром что он был без грима и концертного костюма. Протянутое средство для письма задрожало в руке перенявшей его девушки, и она спешно отвернулась, пробормотав «спасибо».

Зазвенел звонок и, точно по нему, дверь открылась ещё раз, и в зал вошел ожидаемый преподаватель. Никто не знал, как он должен выглядеть, поскольку было начало учебного года, и в нем это была первая лекция по данному предмету. Фамилия на доске расписания занятий, бесполоая Черненко с инициалами В.В., ничего не могла сказать ученикам, пряча за собой одинаково престарелого дедушку или погруженную в науку старую толстую деву. Но преподавателем оказалась молодая женщина приятной внешности, не старше тридцати пяти лет. С забранными назад черными волосами и узкими очками на носу, в узком темно-синем костюме на худощавом теле, она внесла подмышкой портфель с записями и памятками.

– Доброе утро, – бросила она в сторону парт, подходя к кафедре. Шаг, движения и немного отстраненный, но собранный взгляд убеждал в привычности действий. Она преподавала не первый год, и знала свою работу. Разместив какие-то листки перед собой на постаменте, женщина поправила очки и, положив руки по сторонам от своих заметок, встала прямой спиной к чистой доске. – Меня зовут Черненко Вероника Витальевна, запишите сразу мои регалии, чтобы не возникали вопросы при оформлении контрольных и титульных листов

на других работах. Кандидат социологических наук, доцент. Надеюсь, пока ничего не нужно повторять?

Она сухо улыбнулась, спрятала улыбку, как кинжал в ножны, и продолжила:

– Хорошо, тогда начнем. – Отпустив деревянную стойку, она сложила руки перед собой, переплетя пальцы. – Итак, это первая, вступительная лекция по социологии, относительно молодой, но важной науки. Её необходимость станет ясна, когда мы углубимся в понимание того, что же она изучает. А изучает она не что иное, как наше с вами общество, наши с вами взаимоотношения, коммуникативность, общественные институты, группы, системы и развитие всего вышеперечисленного.

– Можно немного помедленнее? Я не успеваю записывать, – весело отозвался парень с последнего ряда, но вместо одобрения своего задора получил холодный взгляд застекленных глаз.

– Мы с вами не в школе, молодой человек, поэтому я допускаю в вас способность писать достаточно быстро. Если вы с чем-то не справляетесь в рамках образовательной программы, то вряд ли сможете сдать у меня хотя бы зачет. Это достаточно ясно?

Юноша сполз немного под стол, замолчав. Всем в одну минуту стало понятно, что этого преподавателя нельзя перебивать, не слушаться, опаздывать, говорить при нем и вообще, все девушки аудитории моментально окрестили её в мыслях мегерой и злобной ведьмой.

– Продолжим, – взялась она за мел, готовясь записывать ключевые понятия. – Возможно, ещё со школьного предмета «обществознание» вы помните, что основателем социологии является Огюст Конт, французский философ и, помимо того, родоначальник позитивизма... – Вероника Витальевна вывела тонким почерком имя ученого, вдохнув воздуха для продолжения монолога, лившегося из неё, как студийная запись. Она определенно была специалистом.

– Простите, – послышалось из зала, прежде чем она заговорила снова. Приподняв одну бровь, она обернулась, ища источник звука. Он сидел близко, на первой парте. – Простите, – повторил он, молодой человек в светло-сиреновом джемпере, надетом на белоснежную рубашку. – Мы будем изучать науку, изобретенную человеком, пытавшимся утопить свою жену, убить себя, и страдавшего паранойей или шизофренией?

Публика застыла, ожидая ответа и без того показавшей себя нетерпимой преподавательницы. Но она не дрогнула.

– Вы так хорошо знаете биографию Огюста Конта?

– Я немного подготовился к курсу социологии, – спокойно пояснил студент, указав на лежавший перед ним, принесенный с собой учебник. Его деланно невинный тон был откровенно наигранным.

– Ваше имя? – железно поинтересовалась Вероника, чем вызвала сдерживаемые улыбки и прятание лиц за волосами. Всем стало забавно, что такого телевизионного героя можно не знать, или же лектор решила ответить колкостью на колкость и проигнорировать звездную сущность своего подопечного?

– Константин, – представился молодой человек, улыбнувшись улыбкой волка в овечьей шкуре.

– Константин... – пробормотала женщина, выведя что-то на краешке верхнего из стопки своих записей листка. – Надеюсь, на экзамене у меня вы проявите такую же осведомленность и эрудицию, Костя.

– Если вы позволите, конечно. – Не отводя глаз от Вероники Витальевны, парень защелкал автоматической ручкой, шевеля исключительно большим пальцем возлегшей на тетради руки.

– Что касается вашего вопроса, – не дала себя сбить с мысли преподавательница, – то мы будем изучать науку, сформулированную этим человеком, а не изобретенную. Основать – не значит породить. Достаточно собрать имеющийся по факту материал.

– Однако это не меняет его избирательной предрасположенности. С каким умыслом основывал и о чем думал он, формулируя социологию и заявляя её, как отдельную науку? – откинувшись на спинку, воспользовался Костя поставленной Вероникой точкой и задал второй вопрос.

– Если вас так волнует психология тех или иных поступков, вы можете записаться на дополнительный курс по психологии у нашего уважаемого профессора Романова Георгия Ивановича, или вы сомневаетесь в надобности изучения социологии? – подковырнула его женщина, не теряя самообладания.

– Нет-нет, что вы, просто было интересно ваше мнение по этому поводу.

– По поводу шизофрении Огюста Конта? – Лекция обещала превратиться в фарс, если перепалка между обучающей и обучающимся не закончится в течение двух-трех минут. Молодежь хихикала в ладони, скрежетала зубами и кусала костяшки пальцев, чтобы не рассмеяться и не вызвать на себя гнев доцента Черненко.

– В том числе.

– А в первую очередь? – напирала Вероника Витальевна. Два кремневых характера решили посоревноваться, из кого вперед полетит искра. Константин развел руками.

– В первую очередь по поводу роли личностных характеристик в профессиональной деятельности.

– Глубоко копнули, – в чем-то даже порадовалась преподавательница тому, что перед ней такой развитой ученик. – Моё мнение таково, что куда личность не отражается в работе, она может иметь какие угодно характеристики.

– И вы считаете, что это реально? Чтобы личность никак не отражалась в деятельности? – Константин покачал головой. – Возьмем практику, а не идиллическую теорию. Реально, по вашему?

– Нет, не реально, конечно же, – немного, самую каплю замешкавшись, Вероника признала очевидное. Она и сама так всегда думала, но почему согласиться с тем, с кем она вроде как спорила, похоже на проигрыш? – Ещё вопросы?

– Да, – не сдался и не угомонился Костя, хотя его трудно было назвать участвующим в полемике. Вид его обличал умиротворение, будто он пил утренний чай у себя на кухне. Щелчки его автоматической ручки почему-то стали нервировать женщину. – Что бы вы предложили делать с людьми, чьи личностные характеристики из частной жизни преобладают над профессиональными навыками и мешают их осуществлению?

– Разумеется, их следует отстранять от занимаемых должностей. Если они не справляются со своими обязанностями. Это всё ещё имеет какое-то отношение к основателю социологии?

– Нет, прошу меня извинить, продолжайте лекцию, пожалуйста, – внезапно, как и начал, прекратил полемизировать Костя, оставив ручку с высунутым стержнем и изящно выведя число в верхнем углу страницы. Посередине он успел написать «Тема: Введение».

Вероника повертела мел между пальцами, от чего они окрасились белыми мельчайшими крошками. Почему так трудно стало перейти к дальнейшим занятиям? Почему энтузиазм, с которым каждый раз она начинала рабочий день, куда-то пропал? Этот студент, лицо которого ей казалось смутно знакомым, ещё раз посмотрел исподлобья на неё, застывшую у доски, будто подначивая продолжать. К чему он заговорил о личностных характеристиках в деятельности? После того, как она дерзко и строго одернула другого парня. Глаза Константина улыбались вредным, как радиационное излучение, светом, губы слегка поддерживали это бесовское

веселье. Всё его выражение говорило, что если она будет злой и придирчивой, то это с головой выдаст в ней одинокую зрелую женщину, с полным отсутствием личной жизни, которая положила всю свою молодость на карьеру, оставшись без мужа, семьи, детей, но до сих пор счастливую тем, что занимается любимым делом, в котором столько достигла. Но если она счастлива, то почему с утра пораньше, как сказала бы её мать, «крысится» на людей? И вовсе не крысится, а поддерживает дисциплину и должный порядок в конкретно взятой группе индивидов. Если сразу не задать им жесткого темпа, то они расслабятся и несерьёзно отнесутся к предмету. Хотя, судя по всему, есть такие, которые относятся к социологии чрезмерно серьёзно, серьёзнее, чем она в те годы. Да, Константин? Он опустил свои досужие глаза, и у Вероники нашлась воля продолжить диктовку.

Урок второй: Одна голова хорошо, а две ногам покоя не дают

Лекция не успела закончиться точь-в-точь по звонку и задержалась ровно на то время, что Веронику отвлекли на затянувшийся вопрос. Можно было догадаться, что время своего познавательного рассказа она за годы скрупулезно вымерила от секунды до секунды. Возможно, и из-за этого ей не нравилось быть перебиваемой. Студенты потянулись на выход и, убедившись, что к ней никто не подходит для каких-либо уточнений, Вероника воткнула наушники, убирая докладные листы обратно в портфель.

Костя выходил в числе последних, аккуратно сложив ручку, остро наточенный простой карандаш, тетрадь и учебник. Он заметил, как преподавательница включила плеер, и пренебрежительно улыбнулся, отвернувшись. Но в его голове не успело возникнуть ничего из ряда «молодящаяся бабенка», «несуразная старая дева» и тому подобного. Уровень его самовзрощенного цинизма достиг критической отметки, когда презрительный рефлекс срабатывает прежде мысли, а уровень занятости находился в стадии, когда некогда продолжать думать о том, где ты только что был, если уже собираешься дальше. И рассуждения его пересекли со скоростью света пространство между социологией и сценарием вечернего шоу на первом канале, где он участвовал в качестве одного из гостей.

Добравшись до здания телестудии, Костя встретил коллег по ремеслу почти на пороге. Соня, Кирилл и Тимур – набравший популярность актёр с кавказскими корнями, придававшими его облику покоряющую женскую аудиторию брутальность, разговаривали о подробностях сериала, в котором снимались все вместе, уточняя что-то и вспоминая то, что, по их мнению, было неправильно когда-либо сделано. Несмотря на юный возраст, Соня держалась уверенно, общаясь со старшими, и хотя возраст усугублялся их численным преобладанием, её не смущало даже это. За знание себе цены и закаленность Костя ценил подругу: она недалеко ушла от характера, родственного ему. И сейчас, когда он застал их за беседой, девушка продолжала открыто улыбаться и непринужденно себя вести. Кивнув троице, парень встал рядом. У него ещё было минут десять запасного времени, за счет того, что он быстро приехал из университета.

– В общем, как ни крути, тросы нельзя крепить по-другому, – отрезал Тимур, поминутно поворачиваясь то к друзьям, то к экрану айфона, где печатал кому-то послания. – Когда спускаешься на съёмочную площадку, нужно думать не только об удобстве, но и безопасности. В конце концов, на записи их не видно. – Достаточно молодой, и ещё далеко не прославленный (всего лишь временно популярный), он выполнял необходимые трюки сам, не пользуясь дублёрами.

– Но они на репетициях даже натирают, – посетовала Соня.

– Сходи в армию, узнаешь, что такое «натирает»! – хмыкнул Кирилл, напоминая о том, что воспитание любого артиста должно быть не менее спартанским, чем у военных.

– Ой, ну начинается! – закатила она глаза. – Если я не призывная, думаешь, я не знаю, что такое сложности? Походи на шпильках полжизни!

Кирилл с Тимуром и Костей переглянулись, вспомнив один из дурацких фильмов, с которого начиналась их карьера, где они рядились в платья и танцевали вчетвером с ещё одним парнем некое позорное варьете. Они знали, что такое ходить на каблуках. Работа у них такая, в ней и похуже вещи узнаешь.

– Я лучше бы ещё раз в армию сходил, – не озвучивая вслух то, о чем и так все подумали, вздохнул Кирилл.

– Знаю я, как вы там служите большую часть времени. Отъедаетесь, в отличие от нас, – ехидно вздернула нос Соня.

– Ну что ты можешь знать и откуда? – не сдался Кирилл. – Хвастливые бывшие рассказали?

– Да что рассказывать, всё все обо всём знают. Мужчины тоже сплетники. Я знаю даже о том, кто из съёмочной команды не продерживается дольше полутора минут. Если вы понимаете, о чем я.

– Я сейчас придушу её! – указал Кирилл на девушку Тимуру с Костей. Тимур оторвался от телефона и убрал его в карман черных брюк, обтягивающих его бедра.

– Зачем так грубо? Женщин надо успокаивать любовью и лаской. Вся их язвительность от их отсутствия.

– Хочешь попробовать? Я пас, – показал Кирилл язык Соне, но та лишь скучающе вновь закатила глаза.

– Очень-то надо...

– Нет, в самом деле, Тим, – наконец вторгся в разговор новоприбывший студент. – Современные девушки страдают вовсе не от этого. Они капризны и избалованны, и если их ещё задаривать любовью, то вовсе оборзуют.

– Он дело говорит, – кивнул Кирилл. Соня шикнула на Костю.

– Да-да, или ты хочешь поспорить? – улыбнулся он ей с вызовом дьявола, показывающего контракт по продаже души. Девушка помотала головой, скрестив руки на груди. – Вы все так заелись вниманием и феминизмом, что напрашиваетесь на грубости и жестокости. Через которые и есть единственный путь к вашему сердцу.

– Нет, ну насчет легонько отшлепать и пару раз назвать «сучкой» – это я согласен, – расплылся Тимур, по привычке начав флиртовать глазами со стоявшим напротив него противоположным полом. – Но не более.

– Ничего ты не понимаешь в женщинах, – заносчиво бросил Константин.

– Кто?! Я?! – беззлобно оскорбился фактически секс-символ коллектива. – Я не понимаю в женщинах? Юноша, вы на себя много берете. Я способен затащить в постель без малого девяносто девять процентов женского населения.

– Любовью и лаской? Не знаю, как насчет постели, а вот сердце не завоеешь точно. Да, Сонь?

– А что вы меня спрашиваете? Я предвзято отношусь к вам всем, так что не гожусь для чистоты эксперимента. Найдите другую и спросите. – Посмотрев на наручные часики на тонком запястье, она пожала плечами и извинилась. – Мне вообще пора, так что, когда выясните, кто же оказался прав – сообщите. Очень интересно.

– Да нам всем пора, – вспомнив о времени, поддакнул Костя. – Что ж, тогда надо будет найти какой-нибудь объект.

– Для попытки соблазнения двумя способами? – уточнил Кирилл. Двое друзей кивнули. – Удобнее всего кого-то из наших, с ними, по крайней мере, каждый день видимся.

– Не-ет, – отмахнулся самый младший по возрасту Костя, он же самый зрелый душой и умом, как замечали все. – Уже через десять минут вся съёмочная команда будет предупреждена Соней о нашем научном исследовании. Нужен кто-то со стороны.

– Так вы не хотите предупредить эту гипотетическую даму, что она подопытный кролик?

– Конечно же, нет, – достал ключи от машины Тимур, наострившись к выходу. – Как сказала наша мелкая злючка «чистота эксперимента» будет нарушена. Так что нужен кто-то, до кого Соня не доберется.

– Вы жестокие, – осудил Кирилл затею заочно, хотя ему и нравилась эта игра. Как обычно, азарт тянул, а совесть мучила. – И где вы намерены искать претендентку? Среди фанаток?

– Нет-нет, это слишком просто, они и так там все влюбленные, – задумался всерьёз Костя. Любовь позлорадствовать и доказать свою правоту побуждала его не упускать столь превосходной задумки и довести дело до конца. – Но надо определиться сейчас же, не сходя с места, чтобы точно знать, что ты не подговорил какую-то свою подругу, а я не подговорил свою.

– Вы истинный джентльмен, коллега, – протянул ему руку Тимур.

– Роль Д'Артаньяна в прошлом театральном сезоне меня малость облагородила, согласен. Итак, называем имя и Кирилл разобьёт спор. – Они задумались. Третий товарищ тоже, потирая подбородок, искал подсказки где-то вокруг, вглядываясь в персонал, но местных трогать запретили, так что всё усложнялось.

– Только не бывших, – попросил Тимур. – Там всё будет запутано и непонятно.

– И не девственниц, – поморщился Костя. – Слишком бесчестно и некрасиво.

– Да, лучше женщину постарше.

– С опытом, чтобы могла сравнить.

– Не дуру, а то самим будет неприятно возиться, – перечисляли они компоненты пока ещё метафизической жертвы, будто бросали ингредиенты в котел со снадобьем, из которого и должна была появиться желаемая девушка.

– Не дуру? – Костя слащаво прищурился. – Сегодня встретил одну такую, как раз лет тридцати пяти, думаю, опыт присутствует, и умная настолько, что сложностей для преодоления нам хватит.

– И кто же это? – изумился Тимур.

– Моя преподавательница по социологии. – Сам Мефистофель подивился бы мерзопакостности выражения губ Кости. Издевка, коварство и привычка начинающего садиста наслаждаться если не чужими мучениями, то проигрышами и поражениями промелькнули на них.

– Преподавательница? – разделил старший слоги, удвоив букву, акцентировав новое назначение персоны, помимо обучения нерадивых «лицеистов». – Не боишься вылететь из университета? – Костя уверенно покачал головой. – Ну а как она... симпатичная?

– Сойдет, друг мой. – Он крепче сжал руку. – Разбивай, Кирилл.

– Точно? – удостоверился тот, и двое подтвердили, что пришли к согласию. Ударив ребром ладони по связке рук, молодой мужчина отошел, свидетельствуя то, что пари состоялось.

– Как её зовут? – Тимур достал органайзер.

– Черненко Вероника Витальевна, у меня следующая лекция, кажется, на следующей неделе, но её наверняка можно найти там и в другие дни. – Костя сам задумался о том, стоит ли сунуться туда ещё до того момента, когда ему, действительно, это будет нужно? Нет, слишком много дел. Да и вообще странно, что он вдруг сейчас вспомнил о ней, этой холодной и совершенно неинтересной «училке». Нет, она, конечно, доцент, а не абы что, но всё-таки, но всё-таки... женственности там было примерно столько же, сколько углерода в чугуне – процента два с небольшим.

– Отлично, надо бы наведаться как-то, для заправки, – записав нужную информацию, Тимур отступил ещё на шаг, медленно уходя из холла, но всё задерживаясь. – Или, давай сделаем так, чтобы по-честному. Я заберу тебя на следующей неделе с занятий, и ты меня как бы невзначай представишь, а то совсем просто так туда ехать будет подозрительно. Договорились?

– Да, и тогда, если регулярно представлять перед ней одновременно, наглядно будем видеть, в чью сторону склоняются её симпатии.

– Итак, мы добрый и злой? Плохиш и лапочка?

– Ну да, ты-то лапочка, – усмехнулся Кирилл, тоже потянувшись следом.

– Придется ею побыть, раз требует дело. А вот Косте, я так понимаю, роль труда не составит.

– Конечно, это же не роль, это моё кредо. – Отсалютовав товарищам, молодой человек развернулся и устремился в дебри коридоров, где следовало закончить свои дела прежде, чем он отправится в телестудию.

Уже за ближайшим углом, он вновь выкинул из головы всё, что только-только произошло, утренние терки с доцентом, её саму, спор и прочее. В самом деле, Константину не должно было показаться сложным изображать из себя мерзавца, когда он родился таким, не особо привязывающимся к людям, редко что ценящим и никогда ещё не испытывавшим пресловутую любовь. Нажав на кнопку лифта, он прикрыл глаза, повторяя ноты песни, которую разучивал.

Урок третий: В тихом омуте не вытащишь и рыбку из пруда

Черненко Вероника Витальевна отгородилась от внешнего мира воткнутыми в уши резиновыми затычками наушников и нажала на плэй. Зазвучала вовсе не музыка, а голос актера-диктора, начитывающего аудиокнигу. Женщина не успевала проглатывать все интересующие её материалы в письменном виде, поскольку это требовало хорошего сосредоточения, а в пути из дома на работу и обратно подобное было недоступной роскошью. Приходилось пользоваться вот таким удобным инструментом, который погрузил её в труд Мэри Дуглас, ученицы великого Дюркгейма, под названием «Как думают социальные институты». Кому-то это могло показаться невозможной мутью, туманным бредом и непроходимой нудятиной, но Вероника жила своим делом, в своей специальности, в своей профессии и науке. Каждая строка очередной диссертации, или обнаруженной старой, но ещё не изученной, монографии, заставляли её сердце колотиться от радости, которую мало что помимо этого ей приносило.

Коллеги считали её сухой и дерзкой, не одаренной страстями от природы дамой, студенты награждали обидными прозвищами, о которых, как они полагали, Вероника не знала; экзаменуемые, трясась, принимали её за чокнутую на социологии, подруги виделись с ней редко, поскольку все обзавелись семьями и жили «правильной» жизнью, а мужчины, даже если обращали ещё внимание на зрелую, но достаточно стройную и интересную особь, узнав о ней чуть больше, чем имя и номер телефона, пропадали. Нет, не только из-за разочарований в том, что им не светит уютная гавань, и никто не собирается ради них бросаться в омут борщеварения и рубахостиранья сутки напролет. Некоторые просто не в силах были тягаться умом, а разве хоть какой-нибудь мужчина выдержит женщину, очевидно умнее его? Этого не признают, с этим не смиряются и, вместо того, чтобы попытаться подтянуться и соответствовать, сбегут, а то и оскорбят и унижат напоследок, чтобы не одному остаться с самоощущением отхода жизнедеятельности живого организма. Впрочем, Веронику не брали и оскорбления и, не заводившая отношений уже где-то... лет шесть, кажется, она апатичной выдержкой и флегматичным взором прима-балерины на пенсии могла вывести любого, попытавшегося бы доказать ей, что она не права в вопросах частной жизни.

Что ж, все эти теории о том, что она бесчувственная, скучная и не умеющая любить, и не знающая страсти, казались ей забавными. Как смешно и одновременно грустно слушать людей, которые с видом заядлого психоаналитика пытаются разобрать тебя по полочкам, изображая, что видят насквозь, и промазывая во всех своих сотнях предположений. Но Вероника даже не утруждала себя произносить равнодушное «не угадали». Вместо этого она презентовала свою коронную саркастичную улыбку, и с пожимом плеч изрекала: «Ну, раз вы так думаете, пусть будет так». Сколько скептиков разбилось о мостовую её бытового пофигизма! А ведь ей было бы что им рассказать, если бы они умели слушать, а не желали лишь покрасоваться своим умением выводить людей на чистую воду, исцелять от душевных ран, менять их, покорять своим мастерством доморощенных психологов, экспертов-самоучек и тому подобное. Изучающая общество и составляющие его единицы – индивидуумов, – больше пятнадцати лет, Вероника поняла одно: около девяноста девяти процентов людей смотрят для того, чтобы их увидели, слушают для того, чтобы заговорить, влюбляются для того, чтобы их любили и дают только с тем условием, что получают обратно, да побольше.

И всё же Ника не родилась такой, какой была в тридцать пять лет, и не была такой ещё в двадцать с лишним и не собиралась такой становиться преднамеренно. Просто... судьба решает иначе и, если уж она развернула тебя в какую-то сторону, решив с тобой позабавиться, то лучше играй по её правилам и развлекай её, чтобы радовать и угождать, ведь у невидимого

врага всё равно не выиграешь, и лучше его не сердить. И Нику кардинально развернуло прямо перед окончанием университета, так давно, что она и не помнила подробностей того времени, твердо запомнив суть и итог. А что ещё нужно было? Она была наивной и любознательной девушкой с хорошим воспитанием, которое дало ей принципы, нравственные установки и преимущества перед фривольными ровесницами, одинаковыми в своих привычках, манерах, стилях и следованию моде. Веронике было плевать на то, что на дворе двадцать первый век: она читала любовные романы, берегла девственность для принца, не пила и не курила, и не ругалась матом. Пай-девочка, гордость родителей и заноза в заднице у главных вузовских соблазнительей, негодовавших, как она до сих пор проходит мимо и не отдаётся им после пары комплиментов. А потом появился он. Ёбаный принц.

Не сложно понять, что после «принца», на деле оказавшимся смазливый мажором и маменькиным сынком, принцесса тоже отошла от идеального образа. Провстречавшийся с ней, уверенной в том, что первый мужчина – это единственный мужчина, меньше полугода, он, как она думала, по-любому оценивший, что она в такие годы дождалась его, скоро наверняка сделает ей предложение. Но он её просто бросил, сообщив, что не нагулялся. Незадолго до защиты диплома, когда, казалось, вот-вот начнется новая, взрослая и светлая жизнь... Всё пошло не так, и жизнь в один день стала черной, тусклой и никчемной. Сказки разбиты, принципы растоптаны и Ника, дрожащая в объятьях успокаивающих её подруг и кричащая по ночам в слезах в подушку, не могла поверить, что лишивший её девственности парень, не придав этому значения и, уже через неделю после расставания, стал встречаться с другой, далекой от тех достоинств, которыми обладала несчастная брошенная.

Каким-то чудесным образом она всё-таки преодолела барьер выпуска из университета, получила диплом, окончательно потеряв цели и приоритеты. Она клялась себе, что никогда не пойдет по наклонной и, если мужчина в жизни женщины должен быть один, то больше у неё никого не будет. Никого и никогда! А потом ей стали звонить друзья её «бывшего» и предлагать встретиться на ночь-другую, как выяснилось, по предложению того же «бывшего», щедро раздавшего номер и координаты «раскупоренного» объекта. В тот момент это казалось кошмаром и ужасом, неимоверным унижением, пережить которое душа Ники была не в состоянии.

Она выключила аудиокнигу, которая всё равно не лезла в мозг. Почему она вспомнила сейчас это давнее прошлое? Теперь-то и жалость к себе уже не испытывалась, и раны никакой не осталось. Так, опыт, заставивший быть мудрее и предусмотрительнее. А тогда возникали даже мысли о суициде. И из-за чего? Из-за сопливого паршивца, не стоившего её пальца и «бесчестья», ощущение которого стоило Веронике смерти миллионов нервных клеток. А сейчас она могла бы лишь сказать «спасибо» этому первопроходцу за то, что ввел её в интимную сферу, и нынче она имела ещё и сексуальный опыт, не маловажный при изучении социологии.

Идея стать ученой пришла не сразу. Сначала она две недели курила, но так и не втянулась. Потом месяц пила с подругами по всем клубам, посещая за ночь по три штуки и переставая стыдиться родителей, а им уже и всё равно было, лишь бы дочь вышла из депрессии и перестала убиваться по мерзавцу, растоптавшему её чувства. И вот после всего этого, Ника однажды проснулась с мыслью, что хочет поступить в аспирантуру. Был январь, она сидела перед компьютером, шелкая там всё подряд. Недавно пришедшая домой – на часах светилось три часа ночи, – девушка открыла бутылку ликера и, попивая его в своей спальне, слушала музыку. Заиграла рок-баллада, пронзившая её пьяные струны души до слезливого трепета и она плавно начала приходить в себя... утром Вероника больше не хотела гулять, тусоваться и опускаться на дно жизни. Она отправилась покупать книги и узнавать, какие экзамены требуется сдать для того, чтобы продолжить обучение.

Метро привезло женщину до нужного места, от которого до дома пешком было пять минут. Стоявшая погода вызывала улыбку. Вдали от суеты кафедры можно расслабиться. На кухне ждет кофеварка, плед, заворачиваясь в который чувствуешь себя старушкой, и книга,

заложенная на нужной странице этикеткой от купленного перед началом учебного года блейзера. Одинокой даме не нужно мучиться с ужином. Готовь себе, что хочешь, а нет сил и желания – не готовь ничего! Хотя, пожилые родители всё равно заставят поесть, не понимая современного ритма, когда легко обходишься йогуртом на завтрак, пончиком на обед и салатом перед сном. По их мнению есть надо в три блюда.

Вероника остановилась перед домофонной дверью, решив подышать немного прохладным воздухом улицы. Пока она вытягивала ключи со дна сумочки, на глаза ей попался ежедневник и она, уточняя расписание, открыла его. Что там завтра за лекции? Ага, всё, как обычно. А сегодняшние новички когда вновь будут? На следующей неделе. Ох уж этот Константин! Не понятно пока, подарок или наказание. И почему лицо его кажется ей таким знакомым? Где она его могла видеть? Нет, этот курс определенно у неё впервые. Не второгодник же он, с таким багажом знаний? Ему в пору в вундеркинды и знаменитые социологи... знаменитые... не знаменитость ли он? Ника не смотрела телевизора, ей было некогда этого делать. Она не интересовалась светской жизнью и эстрадой, шоу и сериалами, поэтому что там творилось – было не в её компетенции. К тому же, у них на факультетах учились дети членов правительства, сыновья и дочери важных чиновников, звезд сцены, выдающихся спортсменов, деятелей искусства. Ей было не привыкать сталкиваться то и дело с кем-то, кто был известен, властен и богат. Для неё это всё были привычные рабочие моменты. Да и, любимая шутка преподавателей перед зачетами и экзаменами «за нашими автографами тоже гоняется много людей», относилась и к ней. От росчерков пера доцентов и профессоров зависело чьё-то успешное будущее.

Убрав записную книжку обратно, Вероника застегнула сумочку и подняла голову. Напротив подъезда, через дорогу, стоял огромный билборд, регулярно сменявший свою начинку, а порой до того часто, что женщина не могла бы сказать, остаётся ли рисунок в течение дня одним и тем же. Однако сейчас рекламная афиша грозила отложиться в её памяти. На растянутом экране изображался ряд мужчин, героев популярного в этом сезоне сериала, о которых, конечно же, нельзя было не знать совсем. Ника прищурилась и, безошибочно опознав знакомое лицо, выдохнула. Ну, здравствуй, Константин, ещё раз! Приятно познакомиться снова. Вот, значит, кто ты такой... Знаменитость, привыкшая к вниманию и обожествлению со стороны фанаток. Что ж, тогда эрудированность делает ему честь, он не только, стало быть, поёт, сценарии читает и пляшет.

Ника повела взглядом дальше. Эх, жаль, что из этой компании именно он её студент, вон, там покрасивее есть, помужественнее. Один вообще брутальный мужчина, хорош собой. Другой эффектно смотрит даже с картинки. Третий... впрочем, о чем это она? Соответственно этикету, никаких отношений между преподавателем и студентом всё равно не могло бы быть. Именно из-за того, что это повлияло бы на её репутацию и, скомпрометировав, подорвало бы научную карьеру, где и так среди самцов слабой леди было тяжело, трудно и одиноко. А так-то, конечно, Вероника монашкой не была. Не заладилась у неё как-то с благочестием, несмотря на все даваемые себе в юности обещания, что либо один, либо никого. Очень даже кого, да не одного, но только тихо, и чтобы не знали по месту жительства. Как говорится, не воруй, где живешь. Так вот: не трахайся, где живешь тоже. «И, если без утайки, – выдохнула женщина перед тем, как войти в дом, – затрахалась я прилично, так что соблазны молодыми студентами меня не прельщают уже последние года три, или четыре. Все мужчины, по сути, одинаковы. Весь секс, в принципе, однообразен. Хорошая книга, под хорошую композицию, да с тостом, намазанным чем-нибудь сладким – это куда лучше, чем пустая беготня по свиданиям». Дверь в подъезд за ней со скрипом прикрылась. Закат отразился красными огоньками в глазах портрета Кости на билборде, намекая на то, что он готов поспорить с невысказанными мыслями Ники.

Урок четвертый: Скажи, кто твой друг – сам туда и попадешь

– Итак, я узнал, где она живет, – вышел Тимур из деканата, ещё не стряхнув с себя образ очаровательного повесы, который втерся бы в доверие к любой. На этот раз он втерся к методистке, сказав, что у его друга есть вопросы к доценту, но тому некогда самому зайти за координатами. Поколение помоложе, чем преподаватели, отлично знали, что на факультете учится тот самый Костя с экрана, и кто такой Тимур, просящий за приятеля.

– А не лучше было спросить у неё самой? – Отходя вдвоем от одних дверей, они направились к другим, в сторону лекционного зала, где ожидалась следующая пара, та самая, сакральная и полная священного предвкушения, по Её Величеству Социологии.

– Я и спрошу, только знать мне нужно заранее. Не думаешь же ты, что я признаюсь, что уже разузнал?

– А если я ей расскажу? – не угрожая, а издеваясь, скабрёзно расплылся Костя.

– Так, палки в колеса друг другу не ставим, ясно? И без того всё сложно. – Дописав в органайзере заметку, Тимур сунул айфон во внутренний карман черного пиджака с коротким рукавом. Под ним была голубая рубашка в узкую полоску, создающую эффект серебристого отлива. Гладко выбритый и надушенный фирменной туалетной водой, молодой мужчина сросся с телевизионной картинкой и ничем не отличался от того, каким был в плоском видении фанатов. Лощёный после кружения среди людей первого сорта в мире искусства – режиссеров, писателей, актеров, сценаристов, осветителей, звукооператоров, лучших в кинематографе щелкателей хлопушкой, дольщиков и экспертов по подаче кофе съёмочной бригаде, Тимур уже вряд ли смог бы в людных местах слезть с лестницы, ведущей в круг божеств и мифических героев. Обычный человек Тимур – это для самых близких и одиночества.

– Да-да, именно такой у тебя сейчас по факту статус. Всё сложно, – задумчиво растянул Костя и повернулся к товарищу. – У тебя же роман вроде бы длится последние два месяца?

– Об этом... – он прищурился, поторапливая разум выдать нужное словцо, и если бы мозги были банкоматом, он бы стукнул по ним, чтобы ловчее работали, – Веронике, – ухватился он за имя и, успокоенный, выдохнул, повторив, для заучивания, – Веронике тоже рассказывать не надо. Как и моей пассивности.

– Что ты, что ты! – поднял ладони Константин, держа в одной из них блок-тетрадь с конспектами, образовавшихся на цветных листках за неделю. – Честная игра, никак иначе.

– Вот именно, тем более, у тебя есть преимущество – нет этого груза под названием «начинающиеся отношения».

– Мне хватает своего интеллекта, как универсального якоря, куда мне ещё кто-то? – Они достигли аудитории и, заглянув в неё, убедились, что внутри ещё лектора нет, и лишь студенты занимают те же места, что занимали и в прошлый раз. До звонка оставалась буквально минута. – Видимо, она всегда приходит тютелька в тютельку.

– Тогда подождём её здесь, ты же сказал, она слёту начинает свой треп? – уточнил Тимур и получил утвердительный ответ. – Надеюсь, всё пойдет по плану.

На его наручных часах секундная стрелка пробивалась к двенадцати, завершая последнюю минуту часа, когда, синхронно с ней, застучали по сероватому линолеуму коридора невысокие каблук доцента Черненко. Тимур бы приосанился, если бы не жил в этом положении идущего на вручение Оскара. И всё-таки он как-то повел плечами, расплывая улыбку благовеста, с добрейшим взглядом, полным интереса, следя за приближением дамы. Костя равнодушно стоял, не шелохнувшись.

В тот миг, когда зазвенел звонок, и Вероника Витальевна должна была взяться за ручку двери, ей перегородили дорогу два молодых мезоцефала, к которым она ещё заочно отнесла их при виде плаката напротив своего дома. По утверждениям раздела антропологии, большинство жителей Запада, сиречь европеоидов, являются именно ими, если не брать нордических долихокефалов... можно ли отнести кого-то из этих двоих в нордическому типу?

– Доброе утро, – прервал её рассуждение Костя, когда она тянулась за воображаемым штангенциркулем.

– Доброе утро, – отозвалась она, и тут же почувствовала дискомфорт от того, что не вошла по сигналу внутрь.

– Это мой коллега и друг, Тимур Баскаев, – начал он с представления, поведя рукой в направлении того, о ком шла речь.

– Очень приятно, – чуть наклонил голову тот и, взяв автоматически протянутую для пожатия руку, попытался её поднять вверх для поцелуя. Вероника напрягла её в той позе, которой и подала. Рука вверх не поднималась и произошла нелепая заминка, когда Тимур не хотелось при первой же встрече кланяться слишком низко, а женщине не хотелось переходить на кулуарные манеры. В результате, приподняв её ладонь, он так и не донес её до губ и лишь кивнул ей по-гусарски. Вероника с облегчением высвободила руку, но дотянуться до заветной ручки всё ещё мешали.

– Вероника Витальевна, взаимно. У вас ко мне какой-то вопрос? – обратилась она к Косте, тут же вспомнив о его поведении на прошлой неделе.

– Я хотел попросить вас разрешения, чтобы Тимур посидел на лекции со мной. У нас общие дела после занятий, и ему надо меня подождать. Вы позволите?

– Если вы не будете шушукаться и кидаться бумажными самолетиками, – молниеносно улыбнулась Вероника, сразу же спрятав ледяную ухмылку. Тимур с Костей сдержались, дабы не переглянуться. – Шутка. Проходите.

Они вошли в аудиторию втроем, и студенты, ещё в прошлый раз косившиеся на звезду среди них, теперь не скрывали удвоенного любопытства. Девушки краснели, как зреющие под ультрафиолетом помидоры, хотя на них не бросили ни единого взгляда. Если и начались перешептывания и передачи записочек, то не между вошедшими друзьями, а из-за них. Черненко прошествовала к кафедре и, открыв черный бессменный портфель, разложила стопку листов. Мысли её немного были сбиты неуместным знакомством, но она умело привела их в порядок, сосредотачиваясь на подготовленном теоретическом курсе.

– Мы разобрались с вами с главными понятиями социологии и прошли введение, обозначив структуру нашей науки. – Ученики, поняв, что связываться с Вероникой Витальевной не стоит, развлекали себя игнорированием её и привлечением себя к наблюдению за знаменитостями воплоты. Особо впечатлительные и наивные студентки со средних рядов, где всегда сидят не самые увлеченные предметом, но и не лишённые тяги к развитию, поглядывали на Тимура и Костю так, будто первый превратит воду в их пластиковых бутылочках в вино, а второй достанет микрофон и озарит зал драгоценными нотами своего вокала. – А сегодня мы начнем разбирать первую из больших теорий о развитии и взаимодействии социального общества – так называемую теорию конфликта. Запишем...

Костя открыл тетрадь и поспешил за голосом преподавательницы.

– А ничего так штучка, – прошептал ему в ухо Тимур. – Не безнадежна.

– Не безнадежна в каком плане? – быстро поинтересовался младший из друзей, стараясь ничего не упускать из диктуемого.

– ... конфликты могут возникать между разными странами, религиями, возрастами и, конечно же, классами, на чем и сосредоточился первый, заостривший на этом внимание, Маркс... – прорезал их переговоры монолог доцента.

– Женщина способная пошутить – способна и поплакать. А плачущие женщины нуждаются в любви и хотят её, – вывел Тимур, и его соседу по парте показалось, что параллельно идут две лекции.

– А конфликты между полами мы изучать будем? – подал голос кто-то очередной смелый с задних рядов, но тон был максимально серьёзный, а не насмешливый, поэтому лектор отнеслась к вопросу снисходительно.

– Разумеется. Межполовые конфликты одни из решающих в историческом развитии. К сожалению, во времена жесткого патриархата, неравенство было слишком сильным и говорить о каких-либо движениях в этом направлении не приходится, но уже с восемнадцатого века стоит рассматривать попытки эмансипации, перешедшие в суфражизм в девятнадцатом, ну а феминизм – это крупный раздел социологии, к которому мы ещё придем, – развернуто ответила Вероника, возвращаясь к доске и мелу.

– Слышал? – хмыкнул незаметно Тимур. – «К сожалению» перед упоминанием патриархата. Она мужененавистница.

– А ты хренов психолог. Дай послушать, – нахмурился Костя, поспевая чиркать ручкой по бумаге. – Ты же понимаешь, что мы договорились не о переспать, а о «заставить полюбить»?

– Э-э... вот как? – на самом деле немного удивился такой новости случайно забредший на лекцию. – А чем тебя не устроит просто переспать?

– Тем, что я не проститутка, – косо просиял Константин, приподняв лишь один уголок рта. Это была не обида, но укол в сторону Тимура, который мог бы не долго думая заняться сексом с той, которой надо, если она ему хоть немного нравилась. Но у второго артиста были иные взгляды на жизнь и доступ к своему телу.

– И какие мы предоставим друг другу доказательства того, что она влюбилась в кого-то из нас? В голову женщине не заглянешь! С потрахушками всё куда проще, Костян, – засуетился говорящий, прикидывая возможности.

– Достаточно смс-ки с признанием, или чего-нибудь подобного, сказанного в любой переписке. На диктофон тишком запиши! – посмеялся над приятелем Костя и, отмахнувшись, заключил: – Это будет видно и без всяких доказательств. Ты главное достигни цели, а на воре и шапка горит.

– Я вам не мешаю, молодые люди? – с сарказмом заправской школьной училки посмотрела на них Вероника.

– Простите, – первый сорвался Тимур на возвышение себя в глазах выбранной жертвы. Краем уха он тоже слышал, о чем шла речь. – Я не удержался, чтобы не возмутиться об угнетении бесправных людей в прошлом. Как думаю о социальном неравенстве и его крайностях – просто кровь бурлит! Ведь во многих странах это далеко не пройденный этап. Эксплуатация и рабство, наверное, никогда не изживут себя...

– Особенно в контрактах нашего агентства, – под нос проворчал Костя и, дописав строчку, поднял голову, заговорив громче, – Тимур очень тонкой души человек, извините его. Половину доходов он сливает на благотворительность и мечтает стать послом доброй воли ООН, – снова перейдя на беззвучное шевеление губами, он закончил, – чтобы переспать с Анжелиной Джоли.

– О, он преувеличивает, – затихая якобы от скромности, молитвенно перекрестил пальцы Тимур и положил руки на стол перед собой. В них не хватало только чётков.

– Ну, мой студент вы, а не он, – внезапно вернулась к преподавательскому озорству Вероника. – Во время введения вы поразили нас глубоким пониманием темы, поэтому, хотелось бы послушать, каково ваше мнение насчет бесправных и помощи им? Вы поддержали бы борьбу угнетенных, будучи представителем класса угнетателей?

– Вы хотите услышать моё мнение? – Костя откинулся назад, не убирая с парты ладоней, между которыми перекачивал ручку. – Падающего толкни.

– Ницше... – опознала знаменитое изречение женщина, таинственно взглянув на подопечного. Жесток, или наиграно пафосен. В нём не было ничего искусственного, мужского жеманства, которое она угадывала с первого взгляда. Может он и безжалостен, но прямолинеен, а это плюс. Если, конечно, это не впустую брошенная фраза, не соответствующая истинному мировоззрению, и тогда она становится ложью.

Вероника моргнула, вспоминая о том, что лекция не окончена. Об этом студенте она подумает позже, хотя, что о нём думать? Взгляд её упал на Баскаева Тимура, показавшегося привлекательным и на картинке. В живую он соответствовал почти каждому пикселю фотографии. Как они только работают вместе, в одном коллективе? Юное зло и праведник – чего только не встретишь за одной партой на социологии, излагающей о таком разном, непримиримом обществе, полном противоречий, крайностей и вечной борьбы. Добра и зла, олицетворением которых являются люди, в том числе.

Урок пятый: Глаза боятся, а всё равно в лес смотрят

Звонок прозвенел без опозданий. Вероника сверилась с тонкими золотистыми часами на руке, и стала ждать, когда выйдет большинство студентов, чтобы вновь предаться собственным делам и мыслям. Вопреки её чаяниям, представленный ей Тимур с первой парты прошествовал прямо к ней.

– Ваша лекция произвела на меня впечатление, честное слово!

– В самом деле? Очень приятно, – остановив руку на кармашке для плеера, она убрала её подальше и стала укладывать бумаги.

– Да, вы умеете подать материал. Казалось бы, не самый увлекательный предмет, а я слушал с упоением.

– Ну, что я могу сказать? Поступайте к нам в университет, послушаете ещё, – по-светски улыбнулась Вероника, но её самолюбие, конечно, плавилось от блаженства. Женщины-специалисты – это те женщины, которые предпочитают комплименты не внешности, а тому, что они делают.

– У меня уже есть один диплом, куда мне второй? – доверительно поведал молодой мужчина, облокотившись одной рукой на кафедру. Он же не студент здесь, ему можно немного вольностей.

– Один подставка под кружку, другой под ножку шкафа, – подошел Костя, застегнув папку для ношения тетради. По его тону слышалось, что оба документа он предложил бы засунуть кое-куда подальше, но приличия не позволяли. – В хозяйстве всё пригождается, не мелочись – поступай.

– Да как-то у меня со свободным временем туго... – извиняясь, смотрел в глаза Веронике Тимур, показывая всем видом, что если бы не обстоятельства, он бы дневал и ночевал у подножья её кафедры.

– Да, со временем у всех нынче проблемы, – собрав свой портфель, преподавательница вышла из-за трибуны.

– Могу немного спасти ваше и подвезти, или вы на машине? – уже зная, что нет, полюбопытствовал Тимур.

– Я на метро, и вряд ли нам по пути, – произнесла Вероника Витальевна так многозначительно, что впору было растеряться, но не такому опытному человеку, который поспорил завоевать её.

– Мне в Сокольники, а вам?

– Надо же, – не стала обманывать женщина, – я как раз живу неподалёку от Дворца спорта.

– Вот видите! И незачем лезть в недра земли, чтобы где-нибудь на эскалаторе или в вагоне оттапывали ноги, – Тимур пропустил Веронику перед собой, но его чуть не толкнул Костя, последовавший с ними, – а ты?..

– Ну, мне же тоже в Сокольники. У нас же общие дела, из-за которых ты меня ждал.

Опомнившись, что именно такую историю придумали, старший на миг прикрыл глаза от огорчения. Значит, уединение отменяется, и им придётся ехать минут пятнадцать-двадцать втроем. Выйдя из здания университета, Вероника остановилась, не оглядываясь, как это делают юные девушки, которые глазами ищут пока незнакомую машину – на какой же их повежут? Женщина посмотрела на Тимура.

– Ведите.

И он подвел её к блестящему дорогому черному автомобилю, открыв переднюю дверцу.

– Присаживайтесь, пожалуйста.

– О, я могу поехать и сзади, думаю, что вам с другом будет удобнее...

– Ну что вы, студент будет ехать впереди своего преподавателя? Никуда не годится, – сдерживаясь, чтобы фривольно не подмигнуть, Баскаев даже чуть-чуть склонился, приглашая.

– Классовое разделение и ущемление по социальному статусу? – протянул за их спинами Костя, – да, ты очень проникся лекцией, а, главное, изъясил из неё основную мысль о том, что равенство – залог мирного существования.

– Будем считать, что тут сыграла роль половая принадлежность, – огрызнулся незаметно Тимур, хотя ему хотелось отвесить товарищу волшебного пенделя до мыса Доброй Надежды, – а теорию межполовых конфликтов я ещё не прослушал. Вы в этой теме так же хороши, как в сегодняшней?

– Не мне судить, – села Вероника вперед, поняв, что несмотря на ворчание, Константин всё-таки угнездится позади, – надо будет спросить у кого-нибудь, кто её услышит.

– Если не против, я бы мог заглянуть ещё разок, исключительно для подобной лекции, – устроившись на водительском, Тимур повернул ключ зажигания и стал выезжать со стоянки.

– Пожалуйста, приходите. – Думая, что сейчас речь сама собой зайдет об обмене номерами, Тимур просчитался. – Уверена, что ваш приятель, наблюдательный и ответственный студент, предупредит вас, когда мы приблизимся к этому разделу социологии.

– Всенепременно, – хмыкнул Костя, рассматривая за окном пока медленно проплывающие городские перспективы улиц, – я вовсе не ответственный. Просто пока ещё не потерял интерес к занятиям.

– А что, обычно быстро теряете? – обернулась Вероника Витальевна, придерживая на коленях свой портфель.

– Постоянно.

– Что ещё раз подтверждает ваш лекторский дар, – прокомментировал Тимур.

– Или говорит о том, что это лишь начало учебного года и вторая пара, – парировала доцент Черненко, успев заметить, что Костя достаточно замкнут в своих подспудных мыслях, в отличие от искреннего скептицизма, вылезающего наружу.

– О, это ещё ни о чем не говорит, – покачал головой младший, – можно потерять интерес и после первого раза.

Вероника не дотянулась лицом перегляднуться с задним пассажиром, а Тимур не смог отвлечься от дороги во время поворота на большом перекрестке, но всех пронзила одна и та же идея: «Мы всё ещё говорим о занятиях? И если да, то занятиях чем?». Так как между доцентом и её аудиторией достаточно трудно незаметно завести беседу о сексуальной составляющей жизни, да так, чтобы это не было навязчивым, то Тимур решил не упускать момента и не соскользнуть с тонкой дорожки, пока на неё встали ноги.

– После первого раза интерес только просыпается, поверь мне, – менторски поднял палец вверх рулевой, хотя слова совершенно не соответствовали его поведению в жизни. На гастролках он мог пропустить за ночь через свою постель нескольких девиц, а потом даже не вспомнить, как они выглядели. Софистика Тимура, как ей и положено, была пустой и ничего под собой не имеющей, кроме желания добиться с её помощью определенных целей.

– Тебе? Тебе поверю, святой человек, – усмехнулся Костя.

– Что ж сразу святой? Никто не безгрешен, – он жалел, что позволил поехать третьему, не найдя никаких отговорок.

Не вовлекаясь в диспут, Вероника полезла за плеером, желая сделать это не привлекая к себе внимания, но Тимур заметил и тут же переключился с коллеги на более стоящий экземпляр.

– Включить музыку? Что вы любите слушать?

– Моцарт, сороковая соль минор? – предположил Костя, заретушировав насмешку в глубине имени великого композитора, нумерации его симфонии и обозначении тональности.

– Попса, как и соль минор двадцать пятая, – не на ту напал парень, – удивительно слышать от так глубоко вкапывающегося в материал студента такое поверхностное предположение о творчестве Вольфганга Амадея. Вы слушали другие его вещи?

– Разумеется, – вспыхнул Костя, не предполагая, что научный сухарь может что-то понимать в музыке. Ему захотелось заявить о своих успехах и знаниях в этой области, но поборов себя, он сдержался. – И если на то пошло, то я люблю более позднюю классику.

– Ну, а я отвечу на вопрос, – Вероника вернулась к Тимуру, предоставив «галёрку» и дальше самой себе, – я слушаю не музыку. Сейчас намеревалась Спенсера.

– Вот как? – понятия не имея, кто такой этот Спенсер, убрал палец от магнитолы водителя, – так, вы против попсы?

– Не против, но я в ней не разбираюсь. Музыка стала однотипной, искусственной и из-за студийных обработок слишком стерильной, что для меня равно мертвости звука. Я люблю живое исполнение, лучше оркестровое. Оно не ударяет басами по мозгам, разрушая их работоспособность. Вы ведь, наверняка, знаете историю музыки и современных направлений, не так ли? – уточнила женщина, не собираясь скрывать, что в курсе рода деятельности друзей. Редкий артист не имеет за плечами хотя бы музыкальной школы.

– О, так вы видели... мм... наше творчество? – сыграл приятное удивление Тимур.

– Мы знаем историю музыки, госпожа Черненко, – не сбился Костя.

– Творчество не очень, я видела ваши лица на плакатах по городу, – тихо и коротко посмеялась она, – так вот, поющие и кричащие из колонок песенки являются в наше время ни чем иным, как очередным ключом для манипуляции массовым сознанием. Замечали, что некоторые композиции совершенно не нравятся изначально, а потом вдруг вслушиваешься и втягиваешься? Это определенные ритмы и такты, обладающие способностью вводить организм в транс, или менять частоту пульса человека. А там и выброс адреналина, и своеобразное привыкание, сродни наркотическому... Многие мелодии за счет определенного ультразвукового сигнала вызывают резонанс частиц или отдельных органов. Но не все сигналы положительные. Если вибрацией «натуральных» инструментов: флейты, арфы, фортепиано – можно лечить, то техно-направления чаще действуют разрушительно. Нейроны страдают от неблагоприятного воздействия, и можно сколько угодно обвинять экологию и прочие социальные проблемы, но взгляните, что слушает нынешняя молодежь, и вы поймете, откуда столько глупых, бездушных, депрессивных личностей, нуждающихся в возвращении к гармоничному состоянию.

– Эм... – только и произнес Тимур, переваривая. Если на каждый мимолетный вопрос будет высыпаться такая тирада нравоучений, то его нейроны не выдержат первыми. Воздействие не просто неблагоприятное, оно губительное! – Вы хоть что-нибудь не знаете в этом мире?

– Очень, очень многого! – пообещала Вероника, но мужчине это обещание показалось неисполнимым.

– Как с вами сложно, Вероника, чувствую себя дураком... – ничего подобного не чувствуя, признался Тимур, если можно назвать признанием корыстный обман, претендующий на создание правдивого образа, – о, простите, ничего, что я по имени? Но я как-то... знаете, рядом с молодой женщиной всегда начинаю ощущать себя старше.

– Боюсь, старше меня вам не стать даже приблизительно, – заговорщически наклонившись к нему, она поведала лукавым голосом мачехи Белоснежки, предлагающей укушать яблочко, – давайте не будем называть меня по имени хотя бы при моём студенте, а то мой авторитет рухнет, как карточный домик.

– Женщина всё равно не может быть авторитетом для мужчины, – отозвался Костя, от которого и не скрывали заговор, – авторитет – это что-то вроде примера для подражания,

и его нужно искать среди себе подобных. Женщина может вызывать лишь уважение и восхищение.

– Что тоже неплохо, – пожалала плечами Вероника, – и кто же у вас авторитет? Ницше, трудоголик Кант, отшельник Шопенгауэр, кто-то ныне здравствующий?

– Стьюи Гриффин¹. Сложно регулярно быть младшим среди большой группы людей... – серьёзно пошутил Костя, но не знающая американскую мультипликацию Вероника Витальевна не смогла оценить юмора, попытавшись припомнить услышанное имя.

– А кто он?

– Не берите в голову, это ирония, – исправил положение Тимур, спеша переключить внимание на себя, – я вот поклоняюсь людям, которые посвящают свою жизнь на благо других: меценаты, альтруисты, волонтеры. Был период, когда я увлекался гандизмом... а что насчет вас? У вас есть кумир?

– Скорее нет, чем да. – И, если кто-то из присутствующих рассчитывал на упоминание Скловской-Кюри² или Панкхерст³, то был слегка удивлен итогом: – Возможно, моя мать.

– Ваша мать? – повторил, чтобы убедиться, Тимур, – а кто она по специальности? Чем занимается?

– О, у неё даже нет образования никакого, кроме школьного, – Ника безмятежно указала на подъезд, у которого следовало её высадить, – просто она умеет быть счастливой. Это то, чего не умеют люди, умеющие и имеющие, казалось бы, всё. Вот здесь притормозите, пожалуйста. Спасибо.

Тимур, пока она отстегивала ремень безопасности, бросился вокруг машины, чтобы открыть ей дверцу.

– Не стоило, – польщено улыбнулась Вероника, находящаяся рядом с мужчиной недолго, а потому ещё не раскусившая его переигрывание. Да и разве каждого можно разоблачить? Кто поручится, что это не природное джентльменство?

Подав ей руку, Тимур довёл женщину до домофонной двери.

– Вероника, вы удивительная женщина. Я ещё никогда не встречал такого уровня знаний, такой эрудиции, такого широкого кругозора. Я поражен и очарован. – Она покосилась ему за спину. Постер с рекламой свеженького сериала уже сменился на лицо какой-то актриски с баночкой всемогущего крема, омолаживающего за одну минуту на десять лет. Десять лет. Где-то такая разница в годах между ею и этим, выглядящим немного старше своего возраста, соблазнительным артистом.

– Благодарю, мне тоже было приятно познакомиться, – она принялась искать ключи от дома.

– Можем мы ещё как-нибудь увидеться? – не оттягивая, в рамках вежливой формы, спросил Тимур. Ника подняла глаза, не ожидав, что за комплиментами последует ещё что-то. Или предчувствуя, но уже не придавая подобному значения.

– Приезжайте ещё на лекции, – милостиво пригласила она, всматриваясь в стоящую перед ней фигуру. Красив, крепок, мужественен, обходителен. Очевидно, к чему он попытался перейти, но он друг её студента и открывать свои личные пристрастия с тем, с кем имеешь общих знакомых в пределах работы – неэтично.

– Только так? Иначе вас встретить невозможно? – стараясь не быть ни настойчивым, ни уступчивым, не ушел Тимур.

---

¹ персонаж мультика «Семья Гриффинов», маленький мальчик, отличающийся мизантропством, но превосходящий интеллектом других, даже взрослых, персонажей

² женщина-ученый, лауреат Нобелевской премии

³ суфражистка, одна из первых знаменитых феминисток

– У меня сейчас очень забитый график. Совещания, профессорские съезды, конференции, лекции и подготовки, – попыталась отболтаться Вероника, избегая лишней суматохи, которую создадут добавления в хорошо распланированном расписании. Но стоя в полуметрах от затянутого в лоск и блеск молодого мужчины, испытующе и с плохо прикрытым влечением смотрящим на неё, женщина ощущала в себе женщину, которая давненько никуда не выбиралась, тем более, с настолько роскошным спутником.

– Я всё понимаю, у меня самого график просто жуткий, поэтому обещаю не быть назойливым и отнимать минимальное количество времени. Хотя бы один час на ленч или ужин мне подарите? – Взвешивая «за» и «против», Ника быстренько вычислила максимальное совпадение удобства, пользы и удовольствия.

– Заезжайте на следующую лекцию. Прямо из университета заедем куда-нибудь перекусить. Вас устроит? – Не нужно будет идти на метро, доставят до дома, поест в хорошем ресторане за чужой счет. Чудесно. Денег у Ники и самой хватало, и она не была жадной, но несомненная выгода и экономия на лицо. И одна совместная трапеза ни к чему не обязывает.

– Буду как штык, – глазами, наполнившимися обожанием и вожделием, окатил Тимур женщину и, кивнув, отступил к машине. Махнув ему и Косте – в сторону автомобиля, – она пошла в подъезд.

– Что-то ты долго, она не бросилась упрасивать тебя сама взять её на пороге? – ухмыльнулся младший «соблазнитель на спор», не став пересаживаться вперед. Сзади и справа всегда ездят начальство, шефы и блатные. Он на своём месте.

– Нет, но судя по всему она не против к этому прийти, немного поломавшись. Обычная баба, ничего сложного.

– Ну да, ну да, – расплылся Костя, через призму Фрейда вспоминая её фразу, обращенную к нему: «Во время введения вы поразили нас глубоким пониманием темы». Во время введения тем сильнее поражает, чем глубже, всё верно. Только они, всё же, ставили на чувства, а не обладание телом и тут, по всем признакам, у него перед Тимуром явное преимущество. Ну что понимает этот жеребец в тонких материях чувствительного мира женских привязанностей? Они же не влюбляются через постель – это мужчины так могут, поэтому Костя и не хотел, чтобы дело дошло до секса. Это слишком интимно и, будь ты хоть трижды холоден и равнодушен к соблазняемой, побывав с ней под одеялом, невозможно будет отделаться от грязного чувства собственной отвратительности, если её после этого бросишь. Если сможешь, потому что секс был маленькой ловушкой для самого Константина.

Урок шестой: Под лежащий камень готовь сани летом

Сигнал о начале пары был дан, и, не медля ни секунды, Ника, с места в карьер, принялась диктовать закрепляющий материал по классической теории эволюционизма и общественного прогресса Герберта Спенсера, не возвращаясь к краткому экскурсу в его биографию, а сразу же открывая новые знания из рассуждений знаменитого ученого. Ника вообще редко что-либо повторяла, считая, что по-настоящему важное никто не забудет. Если мы хотим есть – мы не забываем об этом, если хотим спать, то не забудем поспать. Если у нас собеседование, решающее всю будущую жизнь, то лишь последний дурак опоздает на него, а нормальный человек придёт загодя. Так она относилась и к знаниям. Если они нужны – они впитаются, и никакой растерянностью, неспособностью и бесталанностью оправдаться было перед ней нельзя, за исключением патологических случаев склероза, вызванного физиологическими нарушениями. Сама она с возрастом запоминала многое быстрее, чем раньше, и корила себя в душе, когда всё-таки что-то вылетало из головы. Возможно, пренебрежение повторениями было связано всё с тем же опытом молодости, когда она поняла, что дважды наступают только на грабли, а остального достаточно и по разу.

В аудитории открылась дверь, и появился Константин.

– Простите, могу я войти? – он всё это время стоял за дверью и нетерпеливо отмерял минуты, когда можно будет появиться, прикинувшись опоздавшим. Так он намеревался привлечь внимание и, соответственно роли злого гения, позлить женщину. Но педантичный и пунктуальный, Костя разгневал и себя самого, не выдержав стоять дольше ста двадцати пяти секунд в опустевшем коридоре.

– Присаживайтесь, – указала Вероника Витальевна ему на незанятое место, которое он облюбовал на предыдущих занятиях.

– Я задержался, прошу меня извинить, – осознание непоправимой ошибки, кощунства наигранно отразились на лице парня. Ему не понравилось, что разрешив переступить порог, Вероника тут же опустила глаза к записям. Неужели осталась равнодушна к его неподозволенной задержке?

– Зная вашу собранность, не сомневаюсь, что при желании вы могли бы и не опоздать. – так же, как она сейчас, мог бы улыбнуться айсберг Титанику: льдинисто, белоснежно, но бездушно, будто говоря «прости, друг, но я тебя потоплю». Костя сел, понимая, что Вероника догадалась о том, что причина его опоздания была либо несущественная, либо вовсе вымышленная. Да нет, она не может так запросто его читать, просто природная язвительность заставила её попасть в цель не метясь.

– Я не много пропустил? – уточнил молодой человек, раскрыв блок-тетрадь на отделенной зеленым разделителем социологии. Тон его, как обычно, был до того щепетилен и вкрадчив, что отвечать на него колкостью или грубостью выглядело бы откровенным хамством, тут преподавательница не могла поставить себя под удар, начав атаку первой.

– Как вы помните, – на радость прохлопавших ушами на прошлой лекции и на удивление себе, освежила Ника, поглядев на Костю, – мы остановились на том, что Спенсер, как эволюционист, рассматривал социологию неотъемлемой от биологии, анатомии, этнологии и антропологии, в связи с чем развитие общества ставил в прямую зависимость с законами природы и её развитием. Общество было для него неким организмом, функционирующим тем лучше, чем крепче во взаимосвязь входят его части – индивидуумы. Однако целостный предмет всегда нечто более значимое, чем сумма его частей. Дом, например, пригождается больше, чем отдельно разбросанные кирпичи, из которых он состоит, даже если их валяется столько же. Именно на этом основывается здоровое общество: оно должно понимать необходимость сплоченности, не превознося над ней собственную, личную значимость каждого.

Так вот, товарищ Константин, – на уже понимающего, к чему всё идет, воззрилась поглаживающе-уничтожающе Вероника Витальевна, – вы появились очень вовремя, чтобы продемонстрировать нам, как неуважение к делу общества в лице отдельно взятой студенческой группы стопорит и дело каждого, ведь вместо того, чтобы прокручивать одно и то же, сбиваясь с намеченного плана, мы все вместе могли бы двигаться к следующей теме.

Щёлкнув автоматической ручкой, Костя подумал, что опозданиями снова пользоваться не намерен и нужно придумать что-то более изощренное, чтобы пробить броню этой зачехлившейся в синий костюм энциклопедии.

Первый же открывший дверь студент дал добро Тимуру, подъехавшему вовремя, для того, чтобы вторгнуться в пенаты науки, оседланной Вероникой. Выпустив тройку прячущих за ладонями улыбки девушек, артист не уступил парням и оказался возле кафедры, где упаковывала свой портфель доцент Черненко. Увидев его, она изумленно выгнула брови, будто опомнившись. Или хорошо изобразила эмоцию, которой не было.

– О, а я почти забыла, что вы обещали приехать! – Ника поглядела на своих учеников, гуськом тянущихся на выход.

– А я вот не забыл, – чарующе прошептал Тимур, но пока без интимной дрожи в горле.

– Я думала, лучше бы вы подождали меня внизу... зачем же было подниматься сюда? – её глаза приструнили его громким манифестом «не компрометируй порядочную женщину!», но губы заботливо излучали тепло полуулыбкой.

– Я надеялся услышать что-нибудь через замочную скважину, чтобы приобщиться к мудрости, – продолжал выписывать кренделя с комплиментами и заинтересованностью Баскаев, – но тут плохая слышимость, а прервать вас и постучаться я не решился.

– Что ж, – посмеявшись его шутивным и милым оправданиям, Ника взяла себя в руки, увидев приближающегося к ним Костю, который не покинул зал, а остался, молча переделав дуэт в трио, – ещё не наскучило?

Не ожидавший, что обратятся к нему, Костя замедлился с ответом, не сразу и поняв, к чему был задан вопрос? К тому, что он раздражает её своим поведением на парах?

– Простите, я... – подбирал слова парень, но был спасён самой же напавшей.

– Я о том, что вы быстро теряете интерес. Социология ещё наплаву? – У Кости будто камень с души упал.

– Ах, это! Нет, что вы, сегодня было не менее увлекательно, чем всегда. Что нас ждет на следующей неделе?

– Теория психологии народов и многообразие культур, их социологическое понимание, – точно зная, что и когда преподает, отчиталась Ника и подарила студенту многообещающий вызов, – думаю, о культуре вам тоже полезно будет послушать, это неотделимо от координированной коллективной деятельности. Не опаздывайте, пожалуйста.

– Ну что вы, это не повторится, – заверил он. Тимур, не размыкая рта, покашлял в губы, напоминая о себе. Женщина обернулась и подняла ладонь, указав на него Косте.

– Вот, ваш друг пригласил меня на ланч. – Тимур внутри вознегодовал, что прямолинейность лишает его пока надежды на закулисную игру. Это что же, Вероника отсекает любые возможности романа? Саму её, похоже, забавляла ситуация. – Как вы думаете, это чтобы помочь получить вам пятерку на экзамене?

Товарищи переглянулись. Знала бы она, зачем это нужно! Костя сдержанно приподнял уголки губ.

– Тимур лишён корыстных мыслей, и вряд ли бы до такого додумался, – обелил его приятель, – к тому же, было бы ниже моего достоинства получить хорошую оценку по каким-либо причинам кроме прямой: усвоенных знаний.

– Рада слышать, тем более, что задобрить меня невозможно и я даже своих племянников без честной сдачи экзаменов в университет не приму, – тронулась с места Ника, поведя с собой двоих спутников, одного по левую руку, другого по правую, – а вот обозлить меня можно, так что если господин Баскаев плохо себя будет вести, я отыграюсь на вас, и вы будете отчислены.

Костя споткнулся на пороге, вперед собеседников вылетев широким шагом. Со скрытым испугом он всмотрелся в Веронику Витальевну, чьё лицо затемнилось в промежутке коридора, куда не упал свет из двух окон в разных концах.

– Шутка, – непоколебимо успокоила она, выбесив молодого человека. Тимур, подделываясь под настроение дамы, похохотал, похлопав по плечу Костю.

– Юмор у вас плоский, если честно, – «как и задница» про себя добавил парень, переходя на боевые позиции и выставляя штыки. Ну-с, время отрицательного персонажа пришло, он же говорил, что в таких, холодных и издевающихся, бабы и влюбляются. Пора потихоньку подливать масла.

– А я думала, что черный.

– Черный юмор – это хоть какой-то, а плоский – это его отсутствие, – парировал Костя.

– Отсутствие результата – тоже результат, как говорил один мой знакомый профессор. Но, благо, мне и не в развлекательных шоу выступать, – как бы невзначай заметила Ника, намекнув на то, что кое-кому участвовать, и таким образом опустив его до уровня клоуна.

– Ладно, нам пора, – прервал вакханалию острологии Тимур, дав невидимую отмашку соперникам. – Кость, сам доберешься? Тебя подвезти не могу сегодня.

– Конечно, без проблем! – махнул он рукой удалившимся, быстро с ним попрощавшимся разнополым особам. Глядя вслед, Костя произнес про себя: «А отсутствие задницы – тоже задница?». Нет, они с Никой определенно не заводят друг друга, только раздражают, а без искры разве влюбишь в себя? Под лежащий камень вода не бежит, так может всё-таки имитировать хоть какую-то страсть? Имитировать... Молодой человек ещё раз посмотрел туда, где исчезли двое. Эта худошавая фигура всё ещё стояла перед его глазами. Как бы не дошло до греха, и не пришлось имитировать равнодушие!

– Ты тоже думаешь, что у меня нет чувства юмора? – допивая латте, озадачила Вероника Тимура. Как только они взяли в руки меню ресторана «Дюплекс», куда их привёз мужчина, они договорились перейти на «ты», чтобы не сковываться в официальной обстановке, которая помешала бы получить удовольствие от солнечного дня в чудесном кафе.

– Нет, в тебе есть всё необходимое, и нет ничего лишнего, – сказал Тимур, ловя греющие лучи, падающие на столешницу через окно, серебряной ложкой, выгашенной из своего черного кофе. Прежде ему ещё и пришлось уточнить, демонстрируя воспитание, как позволит к ней обращаться Ника и на вариант «Вера» она дала категорический отказ. Многие женщины не любят, когда к ним обращаются определённым образом. – Тебя это задело? – вернулся к вопросу о чувстве юмора Баскаев.

– Нет, вовсе нет, – с солнечными зайчиками на щеках, Ника выглядела вполне ещё девушкой. Тонкий слой тонального крема, дающая естественный эффект тушь и натурально подрумяненные скулы – не такой уж она и книжный червь, чтобы не следить за собой, и скорее тянет на деловую леди, чем на лабораторную исследовательницу. – В моей профессии важно, чтобы со студентами находился контакт, тогда они лучше пережевывают то, что я им даю. И если молодёжь не улавливает моих попыток вставлять остроты, или они им кажутся неуместными, то стоит переработать методику, к которой я привыкла. Возможно, она устарела...

– Не бери в голову замечания Кости, ему никогда ничего не нравится и ему невозможно угодить.

– Правда? – удивилась она, – кто ж его так избаловал? Поклонницы?

– Да нет, он таким родился, наверное, – пожал плечами в приятно-бежевом пиджаке Тимур. Белая рубашка обнажала его шею расстегнутым воротничком до ключиц, и контрастируя с ней, загорелая кожа отдавала темпераментной смуглостью. – Ему нравится всех раздражать, троллить, как это модно сейчас говорить.

– И никаких предысторий, повергших его в такую мерзопакостную ракушку? – облизнув губы от пенки, Ника пододвинула чизкейк. Этот лёгкий полдник оказывался привлекательнее, чем от него ожидалось. Погода, атмосфера и поведение визави подкупали.

– Никаких. Я не самый близкий друг Кости, но могу гарантировать, что ничего потрясшего его черствую душеньку не происходило. – «Ага, значит, защитный саркофаг из брызжания, по-умному выстроенный из-за наблюдений за чужими провалами» – подумалось Нике, и она открыла рот, развить тему, но Тимур отмахнулся: – Да что мы всё о нём? Давай лучше о тебе.

– Обо мне? Что ты хочешь знать обо мне?

– Всё! – не отводя глаз от её глаз, выдохнул молодой мужчина и поправил запонку. На заминку Ники он смущенно опустил взор к чашке. – Прости, это так нагло и глупо звучит, к тому же, банально.

– Да и я люблю конкретику, – подтвердила женщина.

– Хорошо. Конкретика: я понял, что ты не замужем, но... меня не подстережёт за углом какой-нибудь ревнивец?

– Ты боишься соперничества? – театрально не веря в саму идею подобного страха в Тимуре, Вероника откинулась на спинку удобного стула.

– Скорее наоборот, оно меня подстегивает, – зачем-то ляпнул о себе правду Тимур и задумался, а как бы следовало сказать, если бы это должно было соответствовать его образу без сучка, без задоринки?

– Тогда, если у меня никого нет, мне следует завести кого-то для твоего азарта? – смелость фразы бальзамом вылилась на самолюбие артиста, не перестающего им быть даже сейчас, в своей несценической жизни.

– То есть, ты хочешь подогревать мой... азарт? Пусть это будет называться так.

– Я просто поинтересовалась, – Ника заказала ещё латте, не торопясь уходить отсюда. Это показалось Тимуре добрым знаком. – Однако предпочитаю, когда мужчине требуется охлаждение, а не подогрев. Слабые батарейки и не держащие зарядки аккумуляторы не в цене.

– Я... даже не знаю, что и сказать, чтобы не показаться слишком пошлым, – изобразил он такт и чуткость.

– Тогда помолчим. При отсутствии нужных слов – это лучшее решение, – Ника отвернулась к окну, наблюдая за прохожими, снующими по тротуару. Рабочие, школьники в форме: коричневой, бордового оттенка, шоколадного, синей, фиолетовой, серой; студенты, тётеньки и дяденьки, в спортивной одежде и строгих костюмах, от мала до велика; вот он, предмет её изучения воплотил – социум. Все такие разные, каждый занят своим делом, большинство ничего не знает о других, не разделяет чужих вкусов и, порой, осуждает их. И всё-таки они живут под одним небом, как единый организм, и без труда одного, может стать, не выживет другой, не предполагающий этого и не ценящий вклад незнакомца до поры, до времени. Как сложен этот механизм и как невозможно выстроить его до идеального! Спенсер был неправ, как ни вторгайся в сознание масс, предсказать его направление – невыполнимая задача, потому что нельзя предсказать даже поведение отдельно взятого человека. Она и своё-то предсказать не всегда может.

В помещении, отгороженном стеклянной витриной, было уютно, хотя и не очень тихо. Запах жареных зерен кофе, сливок, карамели и ванили доносился от стойки с кассой, за которой готовились заказы. Тимур решил, что затягивать с немymi диалогами не стоит, поскольку взгляд Ники говорил, что она далеко ушла отсюда в размышлениях.

– Так, возвращаясь к конкретике, – вторгся в зону воображаемого симпозиума по психологии мужчина, – могу я узнать, когда, к примеру, у тебя были последние отношения?

– Последние? – убрав кулак из-под подбородка, выпрямила спину женщина и с хитринкой прищурилась, – последних у меня ещё не было, Тимур.

Урок седьмой: Пока гром не грянет, гусь свинье не товарищ

Исходя из собственных наблюдений, Тимур вывел формулу того, что женщинам важнее частота встреч, а не их продолжительность, поэтому можно затянуть одно свидание на целый день и рассказать о себе совершенно всё: при следующей встрече дама скажет «мы лишь второй раз видимся», а если в течение месяца проводить с ней по полчаса-часу, то ей будет казаться, что знакомство уже продолжительное, даже если сумма времени выйдет меньше. Предполагая, что Ника тот тип, который предпочитает давние знакомства и быстро не сдастся, он не стал приглашать её в кино или ещё куда-нибудь, после кафе (к тому же, у него имелись и другие дела). Для первого раза достаточно.

Запомнив в прошлый раз адрес, Тимур сориентировался и, без поправок подвез Веронику к нужному подъезду, всё так же галантно выходя из-за руля и помогая ей выйти. Благо, что она жила в месте, где просматривалось пространство и папарацци и фанаток видно стало бы за версту. Сейчас никого подозрительного не было, и присутствие Баскаева в сопровождении женщины никем не осудится и не обсудится.

– Спасибо за приятно проведенное время, – поблагодарил молодой мужчина у железной двери, целуя руку Нике.

– Взаимно. Ты разносторонний собеседник. Это редкость. – Их глаза встретились, и пользуясь моментом кое-кто стал играть страсть и похоть. Но, поскольку выражения глаз были примерно одинаковыми, трудно сказать, кто не играл.

– Когда мы можем увидеться снова? – Тимур легонько хлопнул себя по лбу. – Я ведь так и не стал счастливым обладателем твоего номера телефона!

– Это легко исправимо, – Ника достала из сумочки свою визитку на жемчужной, чуть шершавой бумаге, где стилем шрифта Monotype Corsiva были выведены её регалии, имя и контактные данные. Выбранное оформление, на вкус женщины видевшееся утонченным, показалось Тимурову флиртующим и лишенным той строгости, которая была во всем остальном. Уж не напускная ли эта суровость? Только остроумие и выдавало в спутнице способность к недельному общению. – Звони и договоримся, только не слишком поздно.

– Не слишком поздно по времени, или не тянуть слишком со звонком, чтобы не стало поздно? – сыронизировал он. Добавив второе ради красного словца, он искренне считал, что за такими доцентами стаями не вьются, и поздно быть не может, даже если вспомнить о ней в следующий раз через десять лет. Но раз суть была в споре, то тут поджимало его собственное желание выиграть.

– Слишком поздно по времени неприлично в принципе и не нуждается в уточнении, – улыбнулась Ника.

– А как же пожелать сладких снов? – медленно сполз пальцами по пальцам Тимур, выпустив её руку.

– Но ты же не знаешь, во сколько я ложусь спать. – «Часов в десять, дочитав статьи в научной газете!» – усмехнулся про себя фальшивый ухажер. Женщина немного наклонилась к его уху, поскольку он стоял ниже на две ступеньки крыльца. А точнее, ухо было недостигнутой целью, и её губы остановились где-то возле щеки, не касаясь её. – Но мы же не подростки, чтобы желать такое по телефону? Взрослые люди делают сны сладкими, а не желают их.

Сбитый с толку Тимур едва не оступился, услышав подобное. Они вроде пили только кофе, и леди не употребила алкоголь, чтобы её побудили к подобной фразе иные импульсы, кроме собственного, исконно присущего. Скользнувший по коже приглушенный голос,

не столь резкий, как на лекциях, заставил поёжиться. Это что ещё за фокус с пошлыми намеками от фригидной старой девы?

– Я... – растерялся он, не зная, очередная это шутка или можно ответить в этом духе? Или за дерзость он получит отворот поворот? Вспомнив о пылких любовниках среди исторических и литературных персонажей, Тимур решил прикрыться честным, благородным пылом. Если что спишет на неудержимые порывы души. – Если бы я только мог посметь подумать... надеяться... что возможно нечто большее, чем звонок по телефону...

– Тимур, – остановила его Вероника, положив руку ему на плечо и, сама похоже решив, что излишне осмелела, перегнула палку для первого свидания, сделала вид, что стряхивала пылинку с пиджака, – я зрелая женщина, которая явно не пробудила с первого взгляда желание на ней жениться. Ты артист, поэтому ни о каких серьёзных отношениях речи тоже быть не может. Глядя на тебя, я не просто не сомневаюсь, а уверена, что ты далек от удовлетворения платоническим общением. Ты здоровый и выглядящий более чем сексуально развитым представителем своего пола, поэтому, скажу прямо, считаю, что ты не только смеешь думать и надеяться, а не ждешь ничего другого кроме как дойти до постели. Разве я не права?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.